

«Русская жизнь», 1892, № 333, 8 декабря. Подпись: Ив. Б.—н.

¹ Статья не сохранилась, упоминание о ней см. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 552.

² Напечатана в «Орловском вестнике», 1890, № 125, 31 мая, включена в Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 495—501.

³ Сб. «Весна пришла». Смоленск, 1959, стр. 231.

⁴ «Русские ведомости», 1895, № 259, 19 сентября; «Киевское слово», 1895, № 2806, 3 ноября. Сохранились письма родственников и знакомых Н. В. Успенского, откликнувшихся на его обращение; сохранился также и один из ответов Бунина на эти отклики (см. настоящ. том, кн. 2 — «Сводный обзор бунинских материалов в архивах Советского Союза»).

⁵ Эта характеристика А. И. Успенского резко расходится с оценкой его К. И. Чуковским. Последний основывается на резко отрицательном отношении самого Ник. Успенского к своему тестю, выраженном в его рассказе о богатом и жестоком попе (Н. Успенский. Письмоводитель.— Соч., т. 2. М., 1853, стр. 133—150).

⁶ Имеется в виду статья «К будущей биографии Н. В. Успенского» (см. выше примеч. 2).

⁷ Ошибка: Н. Успенский родился в 1837 г.

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Предисловие А. Н. Дубовикова

Осенью 1913 г. «Русские ведомости» отмечали свой полувековой юбилей. Основанные в 1863 г. известным писателем и публицистом Н. Ф. Павловым в качестве дешевой газеты «для неимущих классов», «Русские ведомости», выходявшие сначала три раза в неделю, ставили своей целью разъяснять «народу» действия правительства. После смерти Павлова (в марте 1864 г.) газета постепенно превратилась в большой ежедневный орган, успешно соперничавший с «Московскими ведомостями» Каткова. В 1870—1880-х годах «Русские ведомости» становятся одной из наиболее серьезных и влиятельных русских газет, находившихся в оппозиции к самодержавию. Широта политической платформы газеты создавала возможность для сотрудничества в ней не только либеральной московской профессуры, составлявшей руководящее ядро редакции, но и многих литераторов демократического направления, в том числе и некоторых видных эмигрантов-народников. В разное время в «Русских ведомостях» печатались Зайчневский, Лавров, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский, Златовратский, Эртель, Короленко, Михайловский, Л. Толстой, Чехов, Мамин-Сибиряк и многие другие.

В пору революции 1905 г. «Русские ведомости» определяются в качестве органа, выражавшего основные требования партии кадетов, сочетая, по словам В. И. Ленина, «правый кадетизм с народническим налетом»¹.

50-летие газеты праздновалось в сложной политической обстановке, когда правящие круги царской России усиливали реакционный курс, пытаясь любыми средствами спасти насквозь прогнившую систему самодержавия, и когда, с другой стороны, явно обозначилось начало нового революционного подъема, охватывавшего все более широкие массы рабочего класса и трудового крестьянства. В этих условиях юбилей «Русских ведомостей» был использован буржуазно-кадетскими кругами для открытой демонстрации своей политической программы. На юбилейном заседании, происходившем 6 октября в помещении Литературно-художественного кружка, и на банкете в ресторане «Славянский базар» вечером того же дня с политическими речами, содержавшими требования введения конституции, обеспечения буржуазных свобод, приобщения России к политическим порядкам Запада, выступили М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, А. А. Мануйлов, П. Д. Долгоруков и др. Не случайно, что и официальное заседание, и торжественный банкет, в котором приняло участие более 600 человек, были насильственно прерваны по требованию полиции².

Среди произнесенных на юбилейном заседании речей речь Бунина была одной из наиболее острых, хотя он и сосредоточил свое внимание не на политических проблемах,

а на вопросе о состоянии современной русской литературы. При этом он не ставил своей задачей ее всестороннюю характеристику — так, он ничего не сказал о реалистическом направлении, о писателях-«знаньевцах», о Горьком и литературных силах, группировавшихся вокруг него.

Речь Бунина прозвучала не как бесстрастное академическое обозрение — это было резкое полемическое выступление. Он подверг суровому и безоговорочному осуждению все антиреалистические течения, которые возникали в русской литературе за последние 20 лет, включая и те эфемерные группы, которые в великом множестве расплодились на рубеже 1900-х и 1910-х годов.

Бунину приходилось и раньше не раз выступать против декадентства и модернизма — в этом заключался основной смысл его отзыва о сочинениях Сергея Городецкого (см. настоящ. кн.; в предисловии к публикации этого отзыва приведены и другие случаи, когда он выступал с критикой «новой поэзии»). По этому же вопросу он высказался и в интервью, данном газете «Южная мысль» в апреле 1913 г. (см. настоящ. кн., стр. 376). Речь на юбилее «Русских ведомостей» как бы завершает этот цикл выступлений писателя по литературно-эстетическим проблемам современности.

По резкости суждений и оценок речь Бунина нарушала все принятые нормы юбилейных выступлений. Именно поэтому она привлекла всеобщее внимание и вызвала самые различные отклики как со стороны тех, кто слышал ее непосредственно, так и тех, кто мог судить о ней лишь по газетным отчетам, кстати сказать, не всегда достаточно объективным (полный текст речи был опубликован только двумя годами позднее, в 1915 г.). Против Бунина восстали прежде всего литераторы, прямо или косвенно задетые им, либо те, кто был шокирован страстностью и непримиримостью его речи. По мнению кадетской «Речи», Бунин «омрачил почтенный юбилей неуместной речью, полной нападок на современную литературу», — газета при этом сопоставляла его речь с недавней «эксцентрической выходкой» Горького «против Московского Художественного театра»³. Зинаида Гиппиус назвала выступление Бунина «неожиданной и бестактной выходкой»⁴, «Московская газета» обвиняла его в «сердитом недовольстве современности, ее вкусами, привычками и симпатиями»⁵.

Редакция газеты «Голос Москвы» организовала опрос ряда современных писателей и начала публикацию их ответов под заголовком: «Прав ли Бунин? Наша анкета». В первой же подборке, появившейся 13 октября, были напечатаны отклики Бальмонта, Балтрушайтиса, Брюсова, Арцыбашева и Зайцева. В следующем номере, 15 октября, газета поместила «Ответ И. А. Бунина» на эти отклики. Он решительно отвергал направленные против него упреки, указывая, в частности, что многие из его оппонентов самой речи не слышали. При этом особое внимание Бунин уделил наиболее задевшему его обвинению в дворянском высокомерии, с каким он якобы говорил о роли разночинцев в русской литературе. Отводя упрек в сословном пренебрежении к разночинцам вообще, он проводил резкое различие между разночинцами-шестидесятниками и теми «духовными разночинцами», с появлением которых в литературе он связывал начало декадентства (текст «Ответ Бунина» и выдержки из высказываний его оппонентов см. в приложении к настоящей публикации).

На следующий день после помещения «Ответ» «Голос Москвы» продолжил публикацию анкеты, напечатав на этот раз положительные отклики — Ратгауза, Белоусова и некоего В. Лесина⁶. Возражая тем, кто считал речь Бунина неуместной, Ратгауз писал: «Каждый человек, если ему дорога истинная русская литература, если он с гордостью сознает, что Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Пушкин, Лермонтов — русские, то он должен горячо и от души пожать руку уважаемого академика Ивана Алексеевича Бунина за его „смелое“ выступление против той псевдо-литературы, которая за последние 10—15 лет густым роем саранчи осела на ниве русской словесности в виде модернизма, футуризма и других направлений, ничего общего не имеющих с художественной литературой».

Белоусов полностью согласился с Буниным, подчеркнув при этом тлетворное влияние декадентской литературы на юношество: «И до него, раньше, я часто высказывал, что литература последних лет испортила читателей, и главный ее грех в том, что она развратила юношество, она не могла привить ему крепких устоев нравственности и

не научила его не только читать, но даже познавать вечные истины — правду и любовь. <...> До Ивана Алексеевича никто так твердо и прямо не говорил об этом. Я преклоняюсь перед его мужеством». В ответе В. Лесина было сказано: «Мнение академика Бунина — одно из тех откровенных и смелых мнений, которые на время способны всколыхнуть общественную мысль и оторвать от самолюбования наших литературных олимпийцев». Далее он уточнял суждение Бунина о причинах упадка литературы: «Конечно, не разночинец здесь виноват (да простит бог эту обмолвку Бунину), — виновато проклятое время...»

Через неделю газета в последний раз обратилась к анкете, поместив еще три ответа — все они принадлежали людям, неизвестным в литературе⁷. В первом из них, подписанном «Рабочий Николай Чернов (Пенза)», было выражено общее согласие с Буниным, но далее автор оспаривал его мнение о том, «что в этом виноваты одни писатели-разночинцы». М. Якубович (Смоленск) находил, что Бунин «затронул глубокие и острые вопросы, которые, к сожалению, тщательно замалчивались почти всеми нашими критиками», и возражал против попыток «причислить» Бунина «к числу обскурантов». Последний ответ, подписанный П. В. Пироговым, носил уклончивый характер и по существу не вносил ничего нового в обсуждение вопроса.

Сохранился еще один положительный отклик на речь Бунина — им могут быть дополнены материалы «Голоса Москвы». Автором его был Л. Н. Старк, в то время молодой поэт, большевик, живший у Горького на Капри, где он и мог познакомиться с Буниным. 24 ноября 1913 г. он писал оттуда последнему: «Прочел в „Речи“ краткое изложение вашей речи на чествовании „Русских ведомостей“ и захотелось от всего сердца поблагодарить вас за нее и крепко пожать вашу руку»⁸.

¹ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 193.

² В атмосфере всеобщего возбуждения и негодования, вызванного запрещением банкета, между Буниным и полицейским приставом произошло столкновение, в результате которого писатель оказался под угрозой судебного преследования (см. «Материалы», стр. 191—192).

³ «Речь», 1913, № 288, 21 октября. «Эксцентрической выходкой» газета именовала статьи Горького «О „карамазовщине“» и «Еще раз о „карамазовщине“», в которых он резко осудил постановку Художественным театром спектакля по роману Достоевского «Бесы».

⁴ «День», 1914, № 77, 20 марта, приложение № 11.

⁵ «Московская газета», 1913, № 278, 14 октября.

⁶ «Голос Москвы», 1913, № 238, 16 октября.

⁷ Там же, № 244, 23 октября.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 207. Речь Бунина посвящена в большей своей части статье Д. Л. Тальникова «Эстетика и общественность», появившаяся в 1914 г. в февральской книжке «Современного мира».

Приветствую «Русские ведомости» с благодарностью за то, что дали они русской литературе, и за их отношение к ней. Не останавливаюсь на том, что непосредственно прошло через «Русские ведомости» и осталось в литературе: столбцы их украшались именами бесспорными — именами Толстого, Чернышевского, Салтыкова, Глеба Успенского, Чехова, Короленко. Отмечу только то, что имена эти были не случайными на этих столбцах, что они не терялись в шестром списке других имен, что до последнего времени окружены они были именами, если и меньшими, то всегда приблизительно того же порядка и ценности определенной, устойчивой, а не созданной теми или иными обстоятельствами. Другая заслуга «Русских ведомостей» не менее, если не более важна: это — позиция, которую занимали они по отношению к литературе за последние пятнадцать, двадцать лет, и воздействие их на нее, прямое и косвенное. Трудно учесть это воздействие, каждодневное воздействие всякой газеты; но несомненно, что оно огромно, а у нас и за последнее время — особенно.

Наша читающая масса еще малокультурна; газета для нее еще в новинку и действует на умы резко. А потребность в газете растет с каждым днем; растет и число газет и распространение их. А мы — еще далеко не

БУНИН

Фотография <В. Г. Чеховского>, Москва, 1912

На обороте помета Бунина: «Осень 1912» и дарственная надпись Бунину с подписями В. Чеховского и др.

Музей И. С. Тургенева, Орел

европейцы; мы еще не чувствуем в той мере, как европеец, грани между печатным словом истинно литературным и так называемым бульварным; да у нас еще и не обозначилась как следует эта грань. «Нам печатный лист все еще кажется святым», — сказал Пушкин ¹, и мы еще должны помнить эти слова. У нас не редкость, что не только газета, претендующая быть литературным органом, но и журнал уделяет столько же места и столько же серьезности при разборе «Хаджи Мурата», как при разборе произведения, недалеко ушедшего от какого-нибудь «Разбойника Чуркина» ². Мы еще не совсем понимаем, что такое реклама, — мы, как провинциал: видим вывеску — «центральный магазин» — и полагаем, что этот магазин и впрямь центральный. Подумайте же, что значит для нас газета в то время, когда мы с такой быстротой европеизируемся, порожаем буржуазию, пролетариат, выходим на улицу, начинаем жить сложной, пестрой жизнью и все более входим во вкус газеты, подпадаем под ее влияние! А ведь писатель испытывает влияние двойное, — власть и газеты и толпы. Много ли тех, что могут противиться этой власти, жажде нравиться толпе, жажде вырвать у нее славу, даже хотя бы скандальную? Таких стойких всегда было мало, а у нас, теперь, особенно мало, да иначе и быть не может: ведь и писатель наш мало культурен, он не менее нервирован сменой событий и настроений и столь же мало подготовлен к нашей новой, ломающейся жизни, не говоря уже о том, что русская действительность сделала все возможное, чтобы искалечить нас, что она дала нам такие ужасающие контрасты, как шестидесятые, семидесятые годы, а вслед за ними — восьмидесятые, дала девяностые — и начало девятисотых!

Вы, господа, слишком хорошо знаете, чем была русская жизнь за последние двадцать лет, знаете все радостные и все уродливые или ужасные явления ее. Чем же была русская литература за эти годы? По необходимости отвечая на этот вопрос кратко, в самых общих чертах, я должен твердо сказать, что уродливых, отрицательных явлений было в ней во сто крат более, чем положительных, что литература эта находилась в пе-

риоде во всяком случае болезненном, в упадке, в судорогах и метаниях из стороны в сторону. И тысячу раз был прав Толстой, когда говорил: «На моей памяти совершилось поразительное понижение литературы, понижение вкуса и здравого смысла читающей публики». Толстой причину этого видит в развитии рекламы, в приспособлении писателей и вообще печатного слова ко вкусам и интересам наибольшего числа потребителей, ко вкусам «всегда грубым и низким», по его определению³.

Но у нас в России есть и другие причины этого падения художественных произведений и вообще печатного слова. Каковы они, эти причины? На мой взгляд, вот одна из них. Был известный уклад в русской жизни, тяжелый во многих отношениях, но — уклад. Он должен был разрушиться, исчезнуть — и почти исчез. Была известная культура, не глубокая, не имевшая крепких, вековых корней; она тоже осуждена была на исчезновение еще в те дни, когда «порвалась цепь великая»⁴. Успела ли эта культура создать себе преемницу, основать прочные культурные традиции? Вы знаете, что нет. Писатель-«разночинец» шестидесятых, семидесятых годов еще дышал этой культурой, да и само время определяло его путь, направляло его. Этот «разночинец» странствовал, сшивался, страдал, болел, но это была другая болезнь, это были муки совести, сердца, — и вы знаете, что это сердце бывало порою поистине «золотым сердцем».

Теперь в литературу пришел новый «разночинец», духовный разночинец, уже совсем почти традиций лишенный, сбитый с толку годами восьмидесятыми, девяностыми, а, кроме того, и тем, что должно было встретиться с ним, — европейскими влияниями. Я говорю не о всех представителях современной литературы. Я говорю о типе писателя, еще так недавно преобладавшем. Каков же этот писатель? Он, мало культурный, чуть не подросток во многих и многих отношениях, и начал и жил эксцессами, крайностями и — подражанием, чужим добром. Он нахватался лишь верхушек кое-каких знаний и культуры, а возгордился чрезмерно. Он попал в струю тех течений, что шли с Запада, — и охмелел от них и внезапно заявил, что и он «декадент», «символист», что и он требует самой коренной ломки всего существующего в искусстве и самых новейших форм его (как будто форма отделима от содержания, как будто форма не есть последствие, порождение индивидуальности таланта и того, что он хочет сказать). Конечно, все это было бы совсем смешно, когда бы не было грустно: грустно потому, что нет действий без причин, а на причины — и горестные — я уже указывал; смешно же потому, что разве не нелепо было это требование баррикад и битв за свободу в литературе русской, одной из самых молодых, одной из свободнейших и разностороннейших литератур в мире? Понятны были литературные революции в Европе, эти битвы классицизма с романтизмом, романтизма с реализмом там, где были долгие твердыни их. А во имя чего начался наш бунт? Разве не у нас был Пушкин и почти рядом с ним — Лермонтов, Лев Толстой — и Достоевский, Фет — и Некрасов, Алексей Толстой — и Майков? Разве не с чужого голоса закричали мы и продолжаем кричать?

Да, так вот каково было, господа, начало. Нужно ли мне напоминать дальнейшее? Здесь не место и не время для этого. Я только напомню вам, какое невероятное количество школ, направлений, настроений, призывов, буйных слав и падений видели мы за последние годы! Послушайте писателя нового типа: он, на своем пошлом жаргоне, своими устами или устами своего критика — и чаще всего газетного — скажет вам, что он создал несметное количество новых ценностей, преобразовал прозаический язык, возвел на высоту и обогатил стихотворный, затронул глубочайшие вопросы духа, «выявил» новую психику, поставил себе ве-

разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Испорчен русский язык (в тесном содружестве писателя и газеты), утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи, опошлен или доведен до пошлейшей легкости — называемой «виртуозностью» — стих, опошлено все, вплоть до самого солнца, которое неизменно пишется теперь с большой буквы ⁷, к которому можно чувствовать теперь уже ненависть, ибо ведь «все можно опошлить высоким стилем», как сказал Достоевский ⁸. Вы вспомните, господа, чего только не проделывали мы с нашей литературой за последние годы, чему только не подражали мы, чего только не имитировали, каких стилей и эпох не брали, каким богам не поклонялись! Буквально каждая зима приносила нам нового кумира. Мы пережили и декаданс, и символизм, и неонатурализм, и порнографию, называвшуюся разрешением «проблемы пола», и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и «пролеты в вечность», и садизм, и снобизм, и «приятие мира», и «неприятие мира», и лубочные подделки под русский стиль, и адамизм, и акмеизм — и дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом «футуризм». Это ли не Вальпургиева ночь! И сколько скандалов было в этой ночи! Чуть не все наши кумиры начинали свою карьеру со скандала! И какую поистине огромную роль играла во всем этом газета!

«Русские ведомости» не есть эта газета. «Русские ведомости» одна из тех немногих газет, которые никого не рекламировали, не гонялись за сенсацией, не создавали скороспелых репутаций, со спокойствием отмечали плюсы и минусы писателей и перворазрядных и второстепенных. «Русские ведомости» проявляли отношение неизменно беспристрастное даже и к тем, которые после шумной «славы» падали и подвергались в других изданиях, ранее превозносивших их, издевательствам. «Русские ведомости» отмечали, — конечно, с своей точки зрения, с которой можно и не соглашаться, — все ценное даже и у тех, которые по общему своему направлению совсем не подходили к ним. «Русские ведомости» замалчивали нелепости литературы последних лет, справедливо полагая, что то внимание, которое, в угоду толпе, обращалось на них, лишь содействует их развитию, их популярности, хотя бы и скандальной. «Русские ведомости» протестовали против тех течений в литературе, которые задавались целью совершенно устранить из литературы этический элемент, проповедовать полную разнузданность все себе позволяющей личности, прославлять под видом утонченности самый простой и старый, как мир, разврат, искоренить идеи общественности, разрушить веру в силу разума и нагонять мистические туманы, шаткие метафизические построения, часто нарочито сочиненные, собственного изделия и весьма слабо продуманные, прославлять смерть, квиетизм и даже самоубийство. «Русские ведомости» порою указывали и на происхождение того, чем жила наша литература за последние годы: на общую расшатанность, неустойчивость нашей общественной мысли и неорганизованность общественного мнения, на нашу подражательность Европе, большую частью жалкую, ученическую, — очень нередко сводившуюся даже к плагиатам, — на низкие стремления выделиться не оригинальностью, а оригинальничаньем, на что имелся особо бойкий спрос со стороны нашей уродливо формирующейся буржуазии и всех праздных слоев общества, на увлечения некоторых из писателей, хотя и искренних, но неспособных вследствие отсутствия истинной культурности разобраться в явлениях жизни, в различных теориях, смешивающих движение вперед с чисто дикарским отрицанием заслуг всех своих предшественников, несовершенство научных методов с крахом

ПОРТРЕТ ПУШКИНА, ПОДАРЕННЫЙ БУНИНУ ЧЛЕНАМИ «СРЕДЫ»
к двадцатипятилетию его литературной деятельности, 28 октября 1912 г.

Литературный музей, Москва

«Дорогой Иван Алексеевич. Твои многолетние спутники, твои старые товарищи по „Среде“, ныне вольно и невольно расселенные по лицу земли, шлют тебе дружеский горячий привет, тебе — одному из немногих носителей того яркого светоча чистой поэзии, который у нас в России был впервые зажжен гением Пушкина. Прими же от нас, дорогой Иван Алексеевич, этот портрет — это изображение Солнца русской поэзии — на память о твоём литературном празднике и о нашей общей неизменной дружбе. „Среда“. 1899 — 1912 г. Москва, 1912 г., октября 28»
(Из адреса Бунину от «Среды». ИМЛИ)

науки, дерзновенные полеты мысли с дерзостью, рост и разносторонность индивидуальности с развращенностью ее...

Толстой в статье, которую я цитировал, особенно упирает на те *подделки* под художественные произведения, которые в таком огромном количестве появляются в наше время, и на роль газеты, журнала, критики, проводящих в жизнь эти подделки. «От газет, журналов, критики,— говорит он,— зависит вся будущность просвещения европейского мира»⁹. Господа, за «Русские ведомости» вы могли быть спокойны. «Русские ведомости» — один из самых благородных органов печати во всей Европе. Поклонимся же им за это благородство.

Москва, 6.X.1913

Бунин, Собр. соч. 1915, т. 6, стр. 314—319. Речь напечатана также в юбилейном сборнике «50 лет „Русских ведомостей“». М., 1915 (без разночтений). В дальнейшем при жизни Бунина не перепечатывалась. Не вошла она также в Собр. соч. 1965—1967. В т. 9 этого издания (стр. 528—531) по оплошности составителя и редакции вместо авторского текста речи воспроизведен краткий репортерский отчет о ней, взятый из «Русских ведомостей» (1913, № 231, 8 октября).

¹ Неточная цитата из статьи Пушкина — «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (Полн. собр. соч., т. 11. М.—Л., 1949, стр. 167).

² <Н. И. П а с т у х о в>. Разбойник Чуркин. Народное сказание «Старого знакомого». В двух частях. М., 1883—1884. Книга эта представляет собой один из типичных образцов псевдонародной литературы.

³ Л. Н. Толстой. Предисловие к роману фон Поленца «Крестьянин». — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 270. Цитата неточная.

⁴ Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Помещик»).

⁵ Ср. например, у Бальмонта: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» (стихотворение «Будем как Солнце»).

⁶ Ср. аналогичное высказывание в отзыве «О сочинениях Городецкого» (настоящ. кн., стр. 344).

⁷ Выпад против Бальмонта (см. примеч. 5).

⁸ Ф. М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях. — Собр. соч. в десяти томах, т. 4. М., 1956, стр. 120. Цитата неточная.

⁹ Л. Н. Толстой. Указ. ст., стр. 271.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ОТВЕТ И. А. БУНИНА

(Беседа)

Что думает И. А. Бунин по поводу мнения некоторых писателей о его речи, произнесенной в Литературно-художественном кружке на юбилее «Русских ведомостей»? В беседе с нашим сотрудником И. А. Бунин сказал по этому поводу следующее:

Бальмонт прежде всего прилетена ни к селу ни к городу моя характеристика. Дальше Бальмонт говорит, что на свадебных обедах не говорят похоронных речей¹. Совершенно верно. Но, во-первых, это был не обед и не свадебный, а общественное торжество, а, во-вторых, если бы я говорил похоронную речь по поводу «Русских ведомостей», то это было бы, конечно, и неуместно и глупо. Но ведь я хоронил единомышленников Бальмонта, к которым «Русские ведомости», по-моему, относились в общем отрицательно.

Брюсов говорит, что он речи моей не слышал и читал о ней в газетах какой-то вздор². И это верно. Вздору по поводу моей речи было сказано, к сожалению, немало.

Арцыбашев речи моей, по собственному его заявлению, тоже не слышал. Он говорит: «я не понимаю, что разумел Бунин под словом „разночинец“»³. А между тем, весь свой довольно длинный отзыв о моей речи построил именно на этом непонятном для него слове.

Слово «разночинец» настолько известно, настолько установилось и такое несчетное количество раз употреблялось Салтыковым, Михайловским и др., что мне совестно пояснять его Арцыбашеву, доказывать ему, что это слово давным-давно употребляется

далеко не одними дворянами, что оно никогда не заключало в себе ничего кастового, ни малейшего презрительного отношения к людям недворянского происхождения и что связывать это слово с моими якобы дворянскими тенденциями — просто стыдно.¹

Вообще пора бы бросить эту басню о моем «дворянстве». Если бы Арцыбашев прочел мою речь хотя бы в не совсем полном изложении «Русских ведомостей», он бы, вероятно, не сказал того, что сказал.

Зайцев, по его собственному заявлению, речи моей тоже не слышал. Зайцев вообразил, что я против европеизации и приписывает мне совершенно младенческий призыв назад, к 60-м годам⁴, над которыми, кстати сказать, совершенно не след иронизировать, ибо, не говоря уже о чем ином, нужно помнить, что в 60-е годы писали такие художники, как Толстой, Тургенев, Достоевский, Герцен, Фет, — не хуже Блока, Андрея Белого и Сологуба, — и что тогда работали по изучению русского искусства и русской культуры люди не меньшие, чем Муратов, Грабарь и проч., о которых упоминает Зайцев.

А как тогда стоял балет — не знаю. Да и вообще я в своей речи совсем не касался многого того, о чем говорит Зайцев.

Балтрушайтис речи моей тоже, вероятно, не слышал. Он говорит, что я смеялся в огульном осуждении «крайне разнообразные явления литературы»⁵. Да, я отлично знаю, что между, например, порнографией и богоискательством общего ничего нет, но ведь я говорил не о том: я говорил, что «Русские ведомости» относились к этим разнообразным явлениям *одинаково* отрицательно, или же хранили по поводу них золотое молчание. Кроме того, я в своей речи несколько раз подчеркивал, что я говорю *не обо всех* представителях литературы и вообще печатного слова, что я говорю о *преобладавшем* и *преобладающем*.

Вообще же скажу следующее: некоторые газеты, разбирая мою речь, находят ее «неуместной» на торжестве. Еще раз напомню, что на торжествах общественных, коим и был юбилей «Русских ведомостей», искони принято рисовать ту среду, в которой жил и действовал юбиляр, и что ораторы, выступавшие рядом со мною 6 октября, так именно и поступали. Ораторы эти касались наших общественных, политических, экономических дел и рисовали картины весьма безотрадные, говоря о позиции «Русских ведомостей» по отношению ко всем этим картинам.

Почему же нельзя было касаться *литературы*? Думаю, что не только было можно, но и должно, да, несомненно, думала так же и та громадная аудитория — цвет русской интеллигенции, съехавшейся со всех концов России, — которая неоднократно — и как раз тогда, когда я говорил о литературе — прерывала меня такими горячими, даже, смею сказать, бурными аплодисментами.

«Голос Москвы», 1913, № 237, 15 октября.

¹ В своем ответе на анкету «Голоса Москвы» «Прав ли Бунин?» Бальмонт писал: «Бунин я считаю человеком талантливым, но не большим. Вдобавок он увлекается своим академизмом, который не заслужен и не существует. Что касается его выпадов против кого бы то ни было в литературе, то они мне кажутся неуместными, ибо на свадебных обедах не говорят поминальных речей, а на поминальных — свадебных. Кроме того, именно в этой части своих слов он говорил против самого себя, против своего прошлого, а отречься от самого себя хотя бы и в прошлом, — стыдно». Мнения Бальмонта и других писателей, которым отвечает Бунин, были напечатаны в «Голосе Москвы», 1913, № 236, 13 октября.

² Привожу полный текст ответа Брюсова: «К сожалению, речи И. Бунина я не слышал. Меня не было в зале именно в то время, когда он ее произносил. Сомневаюсь, чтобы можно было доверять пересказу газет. В их изложении речь была просто вздорная, потому что обнаруживала полное незнание с задачами литературы вообще и с развитием русской литературы за последнее время. По этому изложению выходит, будто И. Бунин смеялся в одно все то, что составляет гордость нашей литературы за последнее десятилетие, чем обусловлен, например, давно небывавший у нас (с эпохи Пушкина) расцвет лирики, — с явлениями, действительно уродливыми и случайными. Но, зная И. А. Бунина как человека умного и следящего за литературой, я не могу допустить, чтобы его речь была передана в газетах правильно. Поэтому от суждения о ней я воздерживаюсь».

³ В своем пространном ответе Арцыбашев писал: «Речь Бунина известна мне только по газетным отчетам, а потому с уверенностью судить о ней я не могу. Но если допустить, что хроникеры передают ее с большей или меньшей точностью и мое представление о ней приблизительно верно, то должен сказать, что речь эта вызвала во мне крайне неприятное удивление. Конечно, никто не будет отрицать, что талантов такого масштаба, как Пушкин, Толстой, Достоевский, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и т. д., в современной литературе нет, а уже одно это должно отразиться на общем ее уровне. Мало того, для меня представляется несомненным фактом, что литература наших дней утратила свою идейную цельность, утратила внутреннюю напряженность и стала более профессиональной, даже ремесленной, — стала продуктом спроса и предложения, в самом узком значении этих слов. Но утверждать, что это произошло потому, что в литературу вошел разночинец!.. Такое утверждение так странно, что я даже боюсь дать ему точное определение. Оно произвело на меня такое впечатление, точно его высказал не писатель Бунин, а человек из совершенно иного лагеря. Какая-то отжившая кастовая непримиримость звучит в нем. При чем тут разночинец?.. Талант, идейность, ум и проч. не составляют привилегии дворянского сословия, так же, как бездарность и беспринципность вовсе не характерны для других сословий. В наше время даже как-то дико говорить об этом! Я не понимаю, что разумел Бунин под словом „разночинец“, ибо никак не могу допустить, что он стал на точку зрения гг. Марковых и Мещерских. Это было бы слишком печально!»

⁴ Зайцев писал: «При всем моем глубоким уважении к И. А. Бунину, решительно не могу согласиться с его оценкой литературы (и культуры) нашего времени. Сужу о его речи по изложению в „Русских ведомостях“». Далее Зайцев дает высокую оценку современной поэзии, главным образом символистов: «Для того, кто осведомлен и не предубежден, ясно, что настоящая твердыня современной русской литературы — именно ее лирическая поэзия, давшая в лице Бальмонта, Бунина, Блока, Сологуба, Андрея Белого и некоторых других образцы искусства, очень далекие от улицы и хулиганства». Подчеркнув, что все настоящее в современном искусстве «стоит в связи с духовной культурой Европы», Зайцев указывает, как много сделано в последнее время в области «эстетической просвещенности» и в этом плане называет имена Бенуа, Грабаря, Муратова, Врубеля, Сомова и др. О том, что Бунин якобы призывает вернуться к 60-м годам, в ответе Зайцева ничего не сказано.

⁵ Балтрушайтис в своем ответе писал: «Бунин поставил на один уровень и смешал в огульном осуждении крайне разнообразные явления литературы. Он вздумал назвать одним именем людей, которые ничего общего между собой не имеют, и решил сравнивать то, что, хотя и очутилось на одной литературной поверхности, но возникло из слишком несхожих глубин. Бунин считает, что по сравнению с тем, что было 20 лет назад, в литературе наступил упадок. Лично я никакого упадка не замечал и полагаю, что наша литература осталась без перемены, если только не приобрела большей внутренней значительности».